

КРОКОДИЛ

№ 17 (1667)

ГОД ИЗДАНИЯ 41-Й

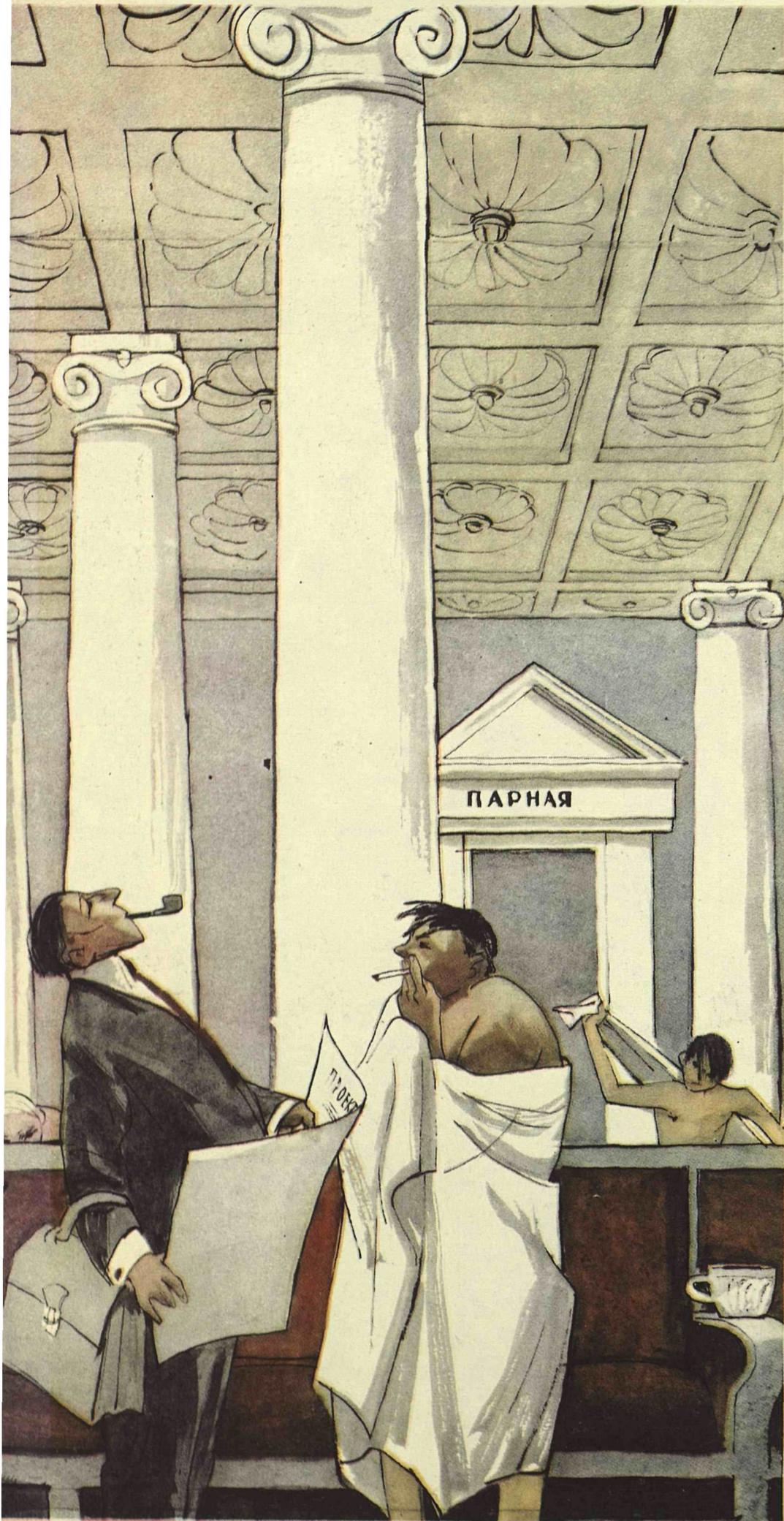
20 ИЮНЯ 1962



ТЕМНОТА...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

О Т П



- Чего бы сюда еще добавить?
- Горячую воду.
- Ну, это уж излишество!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Отсмотрев воскресную телепередачу, работник ленинградской живорыбной базы А. Я. Делуков ощутил предрасположенность к публичным рассуждениям по вопросам культурного просвещения. В итоге получилось письмо в редакцию, дающее толчок полезным мыслям.

«Из дома культуры им. Ленсовета передавали концертное представление... Я от своего имени скажу, что такая пошлятина не представляет особой ценности в багаже культурного просвещения... К примеру, был показан отрывок «Одажио» из одного балета. Выбегают на сцену двое: он и она. Она от него убегает, он ее ловит и, поймав ее, ухватывает ее за талию, за голые ноги, поднимает ее над головою и делает с нею всевозможные выкрутасы, а она у него в руках изгибается, как змея. К чему это?»

Действительно, к чему? Даже при наличии избытка чувств вовсе не обязательно ухватывать человека за талию. Мог бы без выкрутас подойти к ней, занозе, по-хорошему, по-товарищески пожать руку, поднести букет иван-дамарьи или угостить подсолнухом. А поднимать над головой и совсем уж ни к чему: непедагогично и опять же нарушение техники безопасности. И потом неужели мы так обедняли, что не в силах обеспечить балерину, скажем, охотничьими сапогами для сокрытия голызы ног?

«Еще пример: известно ли для науки, какая народность или национальность могла когда-то или в данный момент разговаривать нараспев? — с намеком спрашивает тов. Делуков. — Это относится к опере, да еще под музыку. Я полагаю, что только людям, которые заикаются и не могут выговаривать слова, легче разговаривать нараспев... Я по-своему считаю, что на сцене должно передаваться натуральное, то, что могло где-то, когда-то и с кем-то быть в действительности и к тому же скромное, но поучительное: спектакль, драма, трагедия, комедия и прочее. Но ни в коем случае какая-то выдумка».

Это уж точно! По слухам, первый оперный театр появился в качестве филиала лечебницы для заик. Потом, конечно, от частых песнопений заики обучились говорить нормальным житейским голосом, но в драму или трагедию хитрецы не поддались, дабы сохранить непрерывный стаж. Они, эти хитрецы, вообще горазды на всякую диковинку. У них там тридцать три богатыря вылезают из моря на пляж без аквалангов. Или объявляется антиатеистический леший по кличке Мефистофель и прочая выдумка с излишеством в виде музыки.

Зачем, скажем, этот самый Ленский тянет нараспев: «Куда, куда, куда вы удалились?». Не проще ли было бы спросить по-деловому: «Куда и зачем ушли? И скоро ли возвратитесь?» Или для чего нескромная пальба в виде дуэли? Ее можно вполне заменить товарищеским судом при домкоме по

месту жительства Онегина. Получилось бы очень поучительно. Тем более товарищеских судов под музыку не бывает. Значит, открылась бы возможность сократить оперный штат за счет оркестра, где одни инструменты стоят многие тысячи. Взять арфу, например. Сколько загублено лесу и проволоки, потребных народному хозяйству!

«Может, я плохо разбираюсь в данных действиях, как в музыке, так и в танцах,— скромничает тов. Делуков.— Но я могу твердо заявить, что предыдущая телепередача была несравнимо лучше. Там были показаны русские танцы и пляски, выход и приглашение к танцу и проводы молодым человеком барышни после танца».

Мысль понятная. Почему бы, в самом деле, не предоставить милым сердцу тов. Делукова танцам и пляскам неделимую монополию, попридержав запретительным циркуляром все иное прочее?

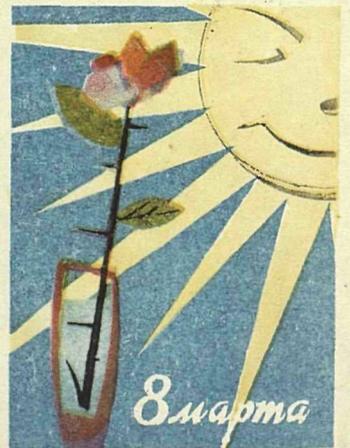
Справедливо подметив, что, кроме непотребной оперы и бесстыжего балета, имеют еще место «немыслимые джазы и танцы», от коих только один «писк, визг, шум, гром и более ничего», тов. Делуков деликатно заключает:

«Я не хочу делать какой-то переворот в этом направлении, но желательно, что кто более компетентен в культурном просвещении, чтобы вошли в рамки и не занимались тем, что не соответствует русской народности».

Тонкое, а главное, своевременное замечание! Как это допустили всякие «липсы» и прочие сомнительные новинки, которым обучают даже в танцевальных школах? Не похвальнее ли было бы поощрять только привычное и устоявшееся? Иначе можно зайти в огорчительный тупик. Приведем доказательство.

В квартире одного москвича провели паровое отопление и, понятно, сломали печь. Так он теперь не может танцевать на дому. Не знает, откуда начинать. Не от батареи же!

Вообще непривычное и новое травмирует глаз, склонный к прямолинейному видению. А вот, например, издательство «Советский художник» этого не учло. Оно выпустило к Женскому дню вот такую открытку:



ЕЧУКИ

ПО СЛЕДАМ КРИТИКИ

«Разве такую открытку можно назвать художественным произведением? — пишет по сему поводу А. Н. Скит-Мазур из г. Красный Луч. — Миллионы женщин будут недоумевать, красиво это или нет. Просим поздравить издательство с потерей реалистического направления».

Действительно, с какой целью издательство повергло Анну Николаевну в тягостное недоумение, отступив от поздравительного сахарно-акварельного стандарта?

Ну что стоило легко, не напрягаясь, изобразить на открытке карамельного школьника, преподносящего приятной во всех отношениях маме жирную пятерку в дневнике? И школьничек такой сладенький и складенький. И пятерка такая четкая и заслуженная. Да и в самом дневнике можно разглядеть через лупу, что задано на дом по ведущим предметам.

Вот это было бы вполне натурально.

Привычка — вторая натура. А она, натура, себя выказывает. Она требует, чтобы все окружающее во всем ей соответствовало. И потому всякие вольные изменения вызывают принципиальные нарекания.

«Посмотрите, — докладывает в редакцию Серафима Андреяни из города Рубежное, — мужчины уже не похожи на мужчин, а за женщин и говорить стыдно... Наши модницы-стиляги уже года два показывают колени».

Достоверное сообщение. Люди действительно стали гоняться за расцветкой, фасоном и так называемой модой. Это порочно. Одежда служит не столько для красоты, сколько для прикрытия наготы. Веселенькая расцветочка и безответственный покрой — все это от лукавого.

Костюм, например, надо выбирать с расчетом и обстоятельно: вначале подпалить его слегка спичкой, потом помять в ладонях до треска, попробовать на разрыв. Если костюм все эти испытания выдержал, тогда его следует покупать, чтобы в случае надобности можно было ходить в нем и на медведя.

Могут, конечно, возразить: не всем же ходить на медведя. Мол, не хватит на всех медведей. Ничего, тогда стойкий во всех отношениях костюм пригодится для тушения пожара.

В общем, над всем вышеизложенным надо крепко подумать. Люди в основном почему-то увлеклись декоративной живописью, стали разно одеваться, исправно посещать оперу, балет и даже выступления джаз-оркестров. И мало того, что посещают. Им даже нравится!

«Как становится больно и обидно за людей, — искренне сокрушается тов. Делуков, — которые производят аплодисменты и вызывают такую пошлость на бис, тогда как требуется освистать такие номера».

А может, и вправду освистать? Конечно, закладывать три пальца в рот не очень скромно и не совсем поучительно. Но если уж

столкнулся с чем, особо нетерпимым, не грех и откинуть прочь ложную деликатность. Хотя бы по примеру поборников нравственности из почтового отделения г. Краснослободска.

Однажды они обнаружили на страницах сатирического журнала, доставляемого гражданину К. Прямуку, предосудительно голые ноги. Ноги, разумеется, женские, потому как мужские, особенно у кавалеристов, скромны и поучительны.

Гражданину Прямуку немедля, в порядке профилактики, прекратили доставку журнала на дом. И тогда краснослободский вольтерьянец стал бегать на почту сам.

Волей-неволей блюстителям нравственности пришлось пустить в ход три пальца.

— А вот и любитель голых баб пришел! — изо дня в день резали правду-матку строптивому подписчику, едва он переступал порог почты.

Терпение и труд все перетрут. Не устояв перед откровенной товарищеской критикой, гражданин Прямука пал ниц и отказался от подписки.

В общем, как видите, по линии самостоятельного наступления на адажио, ненатуральное рисование, дамские ноги и прочее смутьянство уже имеется скромный опыт.

Однако наступление это как-то ослаблено скромным служебным положением атакующих. Тот же Делуков, увы, не директор театра или филармонии. Реального административного давления на дело культурного просвещения ему оказать не дано.

Но как выигрывает дело скромности и поучительности, ежели стоишь у руля и можешь проявить административную мудрость! Взять, к примеру, народно-просветителя из Завьяловки, Бугурусланского района, Оренбургской области, тов. Сидоренко С. В. Он не просто просветитель, но и директор школы — ему, стало быть, дано право пресечения. И он не оплошал.

Под угрозой отстранения от занятий тов. Сидоренко С. В. приказом № 3 от 9 мая запретил учителям появляться на уроках в узких брюках.

Это уже не самостоятельность, а доподлинный приказ с исходящим номером.

Пусть не совсем удобно ходить в брюках, где под каждой штаниной можно спрятать астраханский арбуз; пусть кое-кому до изнурения надоели карамельно-акварельные поздравления; пусть незрелая публика требует, чтобы ей наряду с исконными переплясами показывали и современные танцы. Все это блажь, не стоящая внимания. Но сколь выигрывает зато в просветительном балансе натуральная идея скромности и поучительности! Сколь пристойно начинать каждое культурное дело от теплой, пахнущей дымком и валяющей сапогом домашней печки!



— Теперь не скажут, что я обхожу острые углы!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Ю. АЛЕКСЕЕВ

СЮРПРИЗ НА НОВОСЕЛЬЕ

Друзья сошлись на новоселье.
И шум, и тосты, и веселье.
Встают по очереди с мест,
Квартиру хвалят и стройтрест.

Какой расчет, и стиль, и точность,
А, главное, какая прочность:
И штукатурка и паркет —
Не менее на триста лет!
— Кто строил дом?
— Прораб Петров.
— Пускай он будет век здоров!
За трудовой его успех —

По рюмке пенного не прех!
— Открыть шампанское! —
И гулко
Рванулась пробка в потолок.
Но тут как прохнет штукатурка...
И гости в страхе — за порог.

С вином шипучим и веселым
Поосторожней, новоселы!..

Игнат БЕЛЯЕВ

г. Ялта.

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Шумел-гремел Свердловский турбомоторный завод. В одном из цехов праздновали пуск первой в городе автоматической линии, а попутно и выполнение заводом плана по внедрению новой техники.

— Качать творца линии — Виктора Трофимовича! — слышались возгласы.

Главный технолог завода В. Т. Полуянов против качания не возражал.

— Оригинально! Самобытно! Техническая новинка! — звучали похвалы в адрес главного технолога.

И в этом была доля правды: детище Полуянова было действительно оригинальным, ни на что не похожим. Оно состояло из нескольких агрегатов примерно допетровской эпохи. Возле каждого дряхлого станка стоял человек и автоматическими движениями подталкивал своего подопечного. Иначе станки двигаться не желали. Продукцию, которая представляла собой типичный металлолом, тут же перетаскивали в переплавку.

Но эти мелочи не мешали комиссии подписать акт приемки. И линия начала фигурировать как последнее достижение техники. О ней писали в газетах, отчетах завода и совнархоза, говорили на совещаниях и заседаниях.

Виктор Трофимович был героем дня. Он запросил выступал по радио и телевидению, писал в газеты. Принимал гостей, которые иногда забредали в цех полюбоваться линией. Если гость был крупного калибра, гремела команда: «Включай!» — и линия начинала действовать. Гость ахал от восторга и уходил. А линия тут же автоматически останавливалась по причине очередной поломки.

Наконец весть о техническом чуде долетела до Свердловской киностудии. В отделе научно-популярных фильмов объявили аврал:

— Проворонили! Прошляпили! — неслось по этажам. — Зритель нам этого не простит!

Длились сборы недолго. Взревел спецавтобус, и вскоре деятельные люди в докерских беретах уже ворвались в цех. Линию застали врасплох: она стояла. Это на минуту внесло за-



БОЖЕСТВЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

мешательство в ряды кинодеятелей.

— Гм, — сказал режиссер А. Литвинов. — Натура мертва. А нельзя ли ее оживить?

— Можно! — бодро ответил технический консультант фильма В. Т. Полуянов.

Грянула команда — и к каждой станко-единице подключилось по человеко-единице.

— Великолепно! Все по местам! Начали!

Вспыхнули юпитеры, а наиболее ретивый оператор полез на мостовой кран. То и дело слышалось:

— Крупно: лицо Полуянова! Стоп! Чья это рука влезла в кадр? Это же автоматика! Ах, черт побери, забыл! Действуйте, руку выржем. Крупно: лицо создателя!

Руки рабочих привычно подпихивали не желающие двигаться детали. Но благодаря искусству оператора Воронцова в фильме это совсем незаметно. Единственное, что соответствует истине в фильме «Линия чудес», — это название. Действительно, чудес на линии хоть отбавляй! Главное же чудо — то, что, не принеся пользы ни на грош, линия поглотила столько денег, что хватило бы не на одну действительно автоматическую линию.

Отдадим должное творцу линии Полуянову: он вносит в свое детище коренное усовершенствование — переписывает вывеску, где вместо «автоматическая линия» будет значиться: «полумеханизированный участок». Делает он это дело уже тихо, скромно. Без помпы.

В. ПРОХОРОВ

г. Свердловск.

Любитель порядка

Рисунок С. СПАСКОГО

ЛЕТОПИСЬ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

Путешествие Леонида Яковлевича Пикмана по маршруту Фрунзе — Владивосток — Ташкент (1960—1962 годы) обошлось едва ли не дороже, чем кругосветное. А ведь Леонид Яковлевич не моряк и не землепроходец. По профессии он строитель-руководитель. Романтика же дальних странствий стала близкой его душе в тот день, когда он, управляющий трестом Фрунзгорстрой, узнал о том, что Владивосток нуждается в строителях. Приморье! Ворота в Тихий океан! Нет, Леонид Яковлевич не мог оставаться в Киргизии. Ветер дальних дорог сорвал его с места и понес, понес...

Леонид Яковлевич, переведенный в распоряжение Главвладивостокстроя, прибыл во Владивосток на комфортабельном воздушном лайнере «ТУ-104». Его чада и домочадцы в составе трех человек изволили выехать из Фрунзе через Москву в мягком вагоне скорого поезда. Переезд оплатило государство.

Имущество Леонида Яковлевича чистым весом 3 тысячи килограммов перевезено в трех контейнерах. Перевозку оплатило государство.

В принципе, когда простого смертного переводят по работе из одного города в другой, государство оплачивает перевозку багажа весом 240 килограммов на главу семьи и 80 килограммов на каждого ее члена. Но Леонид Яковлевич в пылу дальневосточной романтики как-то не учел это и получил за все полностью.

Главвладивостокстрой не обделил знатного путешественника должностью. Сначала его назначили начальником технического управления главка, затем — управляющим трестом Жилстрой-2. Небольшая заминка произошла с квартирой. С полгода Леонид Яковлевич из-за

отсутствия подобающей его рангу жилплощади был вынужден стоять постоем в гостинице. Гостиницу оплачивало государство. А потом Л. Пикману была предоставлена благоустроенная трехкомнатная квартира в центре города.

Итак, Леонид Яковлевич после путешествия, стоившего государству 1784 рубля в новых деньгах, обрел тихую пристань. Оставались самые пустяки: что-нибудь построить. Но нет! Л. Пикмана по-прежнему манили бегущие вдаль дороги.

Построить что-нибудь Леониду Яковлевичу не удалось. В начале 1962 года он расстался с воротами в Тихий океан, чтобы укорениться на новом месте — в Ташкенте. В кармане путешественника лежала выписка из приказа начальника Главвладивостокстроя В. Поликанова об освобождении от должности, «согласно поданному заявлению».

Несколько раньше Владивосток покинула большая часть приглашенных Л. Пикманом (тоже в порядке перевода) сослуживцев из Фрунзе. Приблизительно в это же время отправился в Ташкент контейнер с домашним имуществом Леонида Яковлевича. Перевозка по привычке была оплачена за счет государства. Лишь последовавшая вскоре ревизия заставила нашего героя внести затраченные на это мероприятие 102 рубля.

Друзей Леонида Яковлевича на тихоокеанском побережье вопрос обо всех этих затратах не смущал. Точно так же, как не смущает он и друзей многих других путешественников, гонимых охотой к перемене мест по бескрайним просторам нашей страны...

В. КУЦЫЙ

г. Владивосток.

Заметки на полях

Страховой агент пустил в ход последний аргумент: «Несчастный случай доступен каждому!»

У носильщиков всегда чемоданное настроение.

Совместитель: маг и волшебник.

О способном выпускнике вуза — дипломнике уверенно говорил: «Этот далеко пойдет...» Никто почему-то не сказал: «Этот далеко поедет».

Вал. ДЕВЯТЫЙ

Свои обязательства работники бумкомбината написали на импортной бумаге.

— Вечернее кафе? Но это же неудобно: целый день приходится ждать, пока его откроют!..

Наломать дров можно и в степном хозяйстве.

Л. МИТНИЦКИЙ

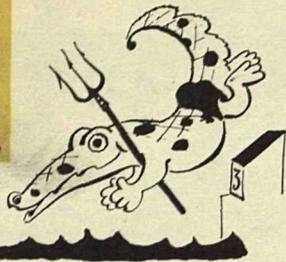
ВОЗНЕСЕНИЕ



— За что возносите?
— За плохие атеистические лекции!

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

КРЕЩЕНИЕ КРОКОДИЛА



Только теперь, на сороковом году крокодильской жизни, внезапно выяснилось, что Крокодила давно пора окрестить. Поздноато, конечно. Но лучше поздно, чем никогда.

Так, во всяком случае, считает гражданин Романов. А ему виднее, поскольку он знает много такого, что никому не известно.

Гражданин Романов написал Крокодилу откровенное и горячее письмо. У него самые благие намерения. Он полагает, что на сатириков навалили чересчур непосильные задачи и что это непорядок. Спасибо гражданину Романову, пожалел нас, великомучеников, добрая душа!

«Вас, наверное, уполномочили агитировать против православной христианской религии, доказывать, что она не существует, что бога нет и все, чему он учит, вредно для людей. И вы, наверное, дни и ночи не спите, все придумываете способы, как разуверить христиан, как их повернуть на путь атеизма. Вы очень беспокоитесь об этом, т. к. вашу работу могут признать неудовлетворительной», — сочувственно пишет сердобольный гражданин Романов.

Между тем беспокоиться Крокодилу, как установил наш доброжелатель, вовсе ни к чему. Вместо этого ему надо всего-навсего уразуметь, что он, в сущности, идет рука об руку с Иисусом Христом.

Человечество, тонко замечает гражданин Романов, распадается на верующих и атеистов, или, проще говоря, антихристов. Верующие суть ангелы в образе людей, тогда как антихристы «большую часть пьяницы, хулиганы, бандиты, развратники, многоженцы, лодыри и т. п., для которых всякие высоко нравственные принципы поведения просто ненавистны, т. к. мешают им быть такими, какие они есть, т. е. аморальными». Оно и понятно: креста на них нет.

Итак, что же теперь делать Крокодилу, который сильно недолюбливает упомянутых гражданином Романовым типов? Ничего ему, таким образом, не остается, кроме как стремглав покинуть лагерь атеистов и переметнуться к верующей братии.

Спасительная идея гражданина Романова сводится к тому, что обращать сатирическое дреколье против религии очень нерезонно. Нужно ли, вопрошает гражданин Романов, критиковать ангелов во плоти, ежели они досконально безгрешны?

И отвечает: во-первых, не нужно. А во-вторых, и невозможно. Поелику, как указывает гражданин Романов, «все русские — христиане. Были и будут!»

В общем, Крокодилу остается теперь перекинуться в стан богобоязненных и коленопреклоненных.

И можно было бы рискнуть, да только есть опасность, что ничего не выйдет. Как его распознать, благочестивого христианина, ежели он вопреки утверждениям Романова дрыхнет, например, в вытрезвителе! И спросить иной раз не у кого, ибо сосед этого ангела во плоти, похрапывающий рядышком, вполне может оказаться не кем иным, как его же духовным пастырем.

Впрочем, мероприятия общего характера можно все-таки наметить. Для начала недурственно было бы организовать массовое крещение сатириков и юмористов в купели, сиречь плавательном бассейне «Москва». Засим не мешало бы устроить коллективное моление за упокой богопротивной сатанинской сатиры в стенах редакции. И в завершение перестроить Крокодил в церковный календарь.

И все же мы ощущаем, что наши познания в сфере богоугодных деяний и ритуалов несравненно скромнее, нежели соответственная эрудиция гражданина Романова. И посему нам хочется пригласить этого гражданина к круглому редакционному столу для высказывания основополагающих идей. Он, наверное, уже давно продумал оргвопросы по оперативной переброске сатириков в лоно церкви.

Однако здесь-то мы и сталкиваемся с существенным затруднением. Мало того, что гражданин Романов не называет своего имени-отчества; он и совсем не жаждет известности. На конверте он пишет обратный адрес: «Иркутск, до востребования», — а, судя по почтовому штемпелю, письмо отправлено из благодатного Крыма.

И нам уже не хочется приглашать гражданина Романова к круглому столу. Потому что если он врет, юлит и петляет даже на расстоянии, то чего ж от него можно ожидать при разговоре с глазу на глаз!

А так как посланий пророков и наставников типа гражданина Романова в нашей редакционной почте больше не обнаружилось, мы и решили пока что продолжать «агитировать против религии». Уповаем при этом, что сия агитация вкупе со всем умным и веселым ходом нашей жизни вскорости отвратит гражданина Романова и его немногочисленных единомышленников от их нелепых, дрыхлых и жалких заблуждений.

Аминь.

АРГО

АГИТАВРАЛ

Когда, разбрызгав тучи по лазури,
Грозит судну неотвратимый шквал,
То моряки навстречу черной буре
Свистят аврал.

И суета идет, как по стандартам,
О чем поведать могут в унисон
Гюстав Эмар с Майн-Ридом
и Хаггартом
и Стивенсон...

Когда все даты в графике завода
Прошли и срок последний настает,
Тогда аврал совсем другого рода
Пускают в ход.

По всем цехам идет повсю работа
Руками, и ногами, и спиной,
Ценой истерики, ценою пота —
Любой ценой!

Таков сей способ бешеных сигналов,
Роняющих достоинство и честь,
Но, кроме вышеназванных авралов,
Другие есть.

Порою в быт рабочий иль
колхозный,
Когда никто не думал, не гадал,
Врывается антирелигиозный
Агитаврал!

За день до пасхи, за два дня
до троицы,
За три дня до рождения Христа,
Когда спешат в очередях пропойцы
Занять места.

Когда в цехах наметились прогулы,
Когда святейших праздников деньки
Свороченные предвещают скулы
И синяки;

Тогда-то агитационный сектор
Являет соответствующий стиль.
Звонки:

— Найдите лектора!
— Где лектор?
— Где кинофильм?
— Где хоркружок?
— Где диапозитивы?
— Где атеисты, черт бы их побрал!
Так запустить — как допустить
могли вы?
Вот он, аврал!

...Прошел концерт с певцами
и чтецами...
Прошли беседы про «святых
отцов»...
Что говорить, сошлись концы
с концами
В конце концов...

Поскольку это все вошло
в привычку,
То, в заключение подводя итог,
Руководитель вносит в график
птичку —
Никто как бог!

Никто как бог!
Так можно без опаски
Жизнь провести под знаком
«трын-трава»
От рождества до пасхи и от пасхи
До рождества!

Божественный голос.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА



УГОДНИКИ ПЕРЕД СУДОМ

Однажды утром поселок был оглушен странными звуками. Похоже было на то, что привели в непрерывное действие средних размеров сигнальную сирену. Оказалось, что это не сирена, а рыдания одной из обитательниц поселка. Из квартиры в первом корпусе лились эти громкие изъяснения женского горя. И знатоки поселковой жизни сообщали пораженным жителям:

— Это Дуська воет. Кладовщика Сургунькина жена. Его сегодня ночью забрали: проворовался, голубчик, больно быстро... Такая, говорят, недостача, аж сама милиция руками развела. Вот она и горюет...

А Дуська сидела среди комнаты, приведенной в беспорядок в результате обыска, рвала на себе волосы, еще вчера имевшие вид красивых локонов, а ныне более похожие на нечесаную гриву мустанга, и выла, не переставая... В дверях толпились соседки, меняясь, словно в почетном карауле, и шепотом обменивались соображениями о силе Дуськиного голоса и горя. Народная молва, в общем, склонялась к мнению, что взяла кладовщика Сургунькина правильно, ибо он расхищал государственное добро нещадно. Но и Дуська, мол, права в своем громогласном изъяснении тоски, ибо арестованный приходится ей как-никак мужем...

Часам к десяти соседки в дверях сильно поределели. И тогда-то появилась в комнате некая тетя Нюша — пенсионерка, проживающая в четвертом корпусе и известная своим благочестием. Сутками не выходя из церкви, тетя Нюша тем не менее была всегда в курсе дел решительно всех обитателей поселка.

Слегка потеснив зевак в коридор, Нюша закрыла дверь и властно обратилась к хозяйке комнаты:

— Ну, будет! Погоревала — и стоп!

Дусе давно уже хотелось перестать выть, но она полагала это неприличным. Точнее, не знала, как закончить... А теперь, оборвав сразу же прискучивший ей самой рев, она три раза всхлинула, икнула и потом спросила сильно осипшим голосом:

— Тетечка Нюшечка, нет, ты мне скажи: что же мне теперь делать-то, а?

Тетя Нюша назидательно подняла палец.

— Теперь тебе остается одно: молиться! Молиться перед господом богом и его святыми угодниками, чтобы муж твой вышел невредимым из этой печи огненной! Вот!

— Так разве ж они его теперь выпустят? — всхлинула Дуся.

— А на то и святые, чтобы совершать чудеса. Ежели ты ко господу с благоговением, то и он тебе воздаст. Плюс святые, безусловно...

— А как их просить, святых-то? Они ведь взток не берут.

— Еще чего надумала, богохульница! Тут не взятки, тут молитва потребна плюс на украшение храма пожертвования да еще свечки персонально кое-кому из святых... Вот что: сей момент одевайся, платьишко надень темное, поскромнее, и пойдем мы с тобою к обедне — аккурат через полчаса у Варвары-великомученицы зачнут службу...

И с того самого дня во многих приходах замечены были эти женщины: похудевшая и скромно одетая Дуся, ведомая тетей Нюшей. Они выстаивали все службы. Падали на колени, когда того требовал ритуал (команду подавала Нюша, ущипнув свою подругу за подходящую часть тела). По указаниям Нюши соломенная вдова кладовщика клала на тарелку, проносимую среди молящихся, приличную сумму на украшение храма, на причт, на свечи и иные богоугодные цели. До и после службы обе женщины переходили от иконы к иконе, и опять-таки по указаниям тети Нюши Дуся ставила свечи угодникам непосредственно перед их изображениями. А Нюша шептала:

— Крепче вставляй... Ежели хочешь, чтобы помог тебе божий угодник, делай все истово, не как-нибудь... Теперь пошли к Пантелеймону-целителю, он в том притворе расположен...

И Дуся торопилась поставить свечу Пантелеймону, а также Иоакиму и Анне, Сергию, двум Василиям, двум Иоаннам и, как говорят у нас, «ряду других товарищей».

Часто тетя Нюша протягивала свою коричневую, как у мартышки, ладонь под самый нос Дуси и властно требовала:

— Ну-ка, дай мне еще десяточку: надо тут на одно доброе дело отцу Михаилу вручить... Все за твоего сидельца зачтется лишняя благостыня...

И Дуся давала. И в церкви, и дома, и по дороге на многочисленные заутрени, обедни, вечерни... Она уже сама стала разбираться в распорядке церковных служб, знала, где пышнее управляет свои обязанности поп или дьякон, где проникновеннее и слаженней поет хор, какой регент старается добиться красоты звучания, где после ремонта лучше отделали алтарь... Словом, она становилась незаурядным специалистом по церковному быту.

А тетя Нюша почему-то стала заметно полнеть. У нее появились новые платья и косынки, разумеется, темных тонов, приличных богомолке, однако же гораздо более дорогого сорта, чем прежние ее наряды. И, видимо, питаться тетя Нюша стала лучше...

Как-то незадолго до суда тетя Нюша, унеся новую порцию даров на дела веры, возвратилась умиленная, потная и размякшая. Села, отерла концами головного платка лоб и заявила:

— Уж теперь истинно тебе скажу, Дуська: твое дело в шляпе!

— В какой такой шляпе?

— В божьей. То есть, безусловно, не в шляпе божьей, а в руке божьей. Одним словом, наладится у нас все, как надо. И твой Петруха выйдет из этой передеряги, как ни в чем не бывало.

— Когда же он выйдет? — недоверчиво спросила Дуся.

— А после суда. Оправдают его беспременно. Это уж не я говорю, а сам отец Елизар дал мне понять нынче. К которому мы еще в том месяце ездили в его домик в Черкизове. Еще он нас у себя на кухне принял, и мы вручили ему на бедных бидончик с медом. Он теперь из церкви ушел, дома практикует, как все равно профессор какой...

— А-а! — слабо отозвалась Дуся.

— Да не «а-а!», а «слава тебе, господи!» — вот что надо сказать! Уж теперь точно все дело решится хорошо. Он мне прямо так и отрубил: ступай, мол, старуха, и верь: раз ты мне принесла на бедных четыре десятка яиц, да повидла, да творогу...

— Как то есть четыре десятка?

— Ой, что это я говорю! Я и забыла, что мы ему шесть десятков яиц послали...

Дуся подозрительно глянула на шустрого богомолку...



И вот пришел день суда. Дуся, еще более похудевшая, в белом платке церковной завсегдайки вместе с тетей Нюшей заняли места в первом ряду. Когда конвойные ввели кладовщика, утратившего прежний надменный вид и явно растерянного, Дуся испустила первый свой сиренный гуд. Ей погрозили пальцем, и она замолкла, словно поперхнулась.

Когда представитель обвинения потребовал для кладовщика пятнадцать лет заключения, Дуся зарычала:

— Это за что же?! Тебе бы самому так вот вмазаты! Не соглашусь ни в жисть!

Ее вывели из зала. Только после того, как суд удалился на совещание, Дуся проникла обратно и подошла к опустевшей на перерыв скамье подсудимых. Тетя Нюша теперь держалась от нее подальше...

Вошли судья и народные заседатели. Был оглашен приговор: десять лет заключения. Дуся завывала во весь голос. Ее мужа увели. И тогда, продолжая выть, разъяренная богомолица кинулась искать свою предусмотрительно улизнувшую руководительницу в божественных делах. Она настигла тетю Нюшу у дверей суда и, все так же рыча и вой, вцепилась ей в волосы. Та завизжала. Прохожие поспешили вмешаться. Но пока Дусю уняли, советчики пришлось туго: ее благостный вид сильно изменился.

Дусю отправили в отделение милиции.

Судили Дусю через десять дней. Судья, севши на свое место, взгляделся в подсудимую и сказал:

— А, старая знакомая!.. Вы обвиняетесь в нанесении побоев...

— Ну, побои — это ладно, — затараторила Дуся. — За побои я согласна получить что положено. А только неужели же она-то так вот ни в чем и не виновата? И они ни при чем, да?

— О ком вы говорите?

— Во-первых, Нюшка. Тетя Нюша то есть... Ну, которую я это... отблагодарила...

— Вы называете это благодарностью, Сургунькина? Интересно!

— А как же? Сколько я на них денег ставила, продуктов опять же... Одни свечки обошлись в двести рублей, может быть, новыми деньгами...

— Какие свечки?

— Да которые святым ставятся. И пушай бы они тоже здесь отвечали сегодня — эти угодники да попы, которые... Отец Елизар, например, как частник на дому, берет медом и яйцами... А мужа засудили все равно. Так?.. Выходит, что они тоже ответственные за это дело!

— Кто ответственные? — серьезно спросил судья. — Объясните суду.

— Угодники, я говорю: святой Пантелей, опять же Николай Мирликийский, Василий Кесарийский, Иван Богослов... Разве я могу упомянуть их всех, кто у меня брал, чтобы сделать моему мужу послабление?

И в голосе Дуси звучала такая уверенность в своей правоте, что судья перел тем, как призвать ее к порядку, переглянулся с заседателями, приглашая их оценить точку зрения подсудимой.

Заседатели перестали улыбаться, и процесс пошел своим путем...

О НИСПОСЛАНИИ ДОЖДЯ

В засушливую пору
Пришло на ум попу Егору
Наведаться в колхоз передовой,
Чтоб помолиться,
Как меж попами говорится,
О «божьей благодати» дождевой...
Но, выйдя в поле, поп метнулся
вспять,
Несолоно хлебнув... А где тому
причина?

В колхозе нынче
«Божью благодать»
Дарует дождевальная машина!

Александр ЖАРОВ



ИЗ-ЗА УГОЛКА

Рисунок Е. ГУРОВА

Степан ОЛЕЙНИК

ПРО СЕЯТЕЛЕЙ ЗЛА И СЕНЬКУ-КОЗЛА

Под ветхою кровлей, за черной завесой,
Вдыхая махорочный дым,
Свершали обряд трясуны-мракобесы
С самим Пантелеем «святым».
То выли, то каркали, будто вороны,
Тряслись все сильнее и сильнее...
— Что ж нет на молитве заблудшей Матрены? —
Нахмурясь, изрек Пантелей.
Внушал ей вчера: «Лишь явитесь, бабуся,—
И вы уже в райском саду!..»
И та поддавалась ему: «Ладно, явлюся,
Как солнышко сядет — приду».
Но, как ни хотелось в небесное царство,
Матрена прийти не смогла:
В тот вечер пришлось претерпеть ей
мытарства,—
И всё из-за Сеньки-козла!
Старушка трех козочек с Сенькой
рогатым
Пускала к погосту, на луг;
Козел каждый день перед самым
закатом
Назад приводил их. И вдруг...
У бабки Матрены — круги пред
глазами:
— О господи, боже ты мой!..
Три козочки бабкины (вот
наказанье!)
Без Сеньки вернулись домой.

Какие молитвы уж тут! Не до рая!..
Старушка — в тревоге, в тоске,—
На гумнах подолом репы собирая,
Зовет:— Ме-ке-ке!.. Ме-ке-ке!..
«А может, забрел на погост ненароком?..»
И вот меж крестами, во тьме,
Под самым почти что Матрениным
боком
Послышалось жалкое «ме-е».
Аж всхлинула бабка... Нашла-таки
Сенью!
Он в яме. Мычит, как бычок.
Видать, сиганул, уподобясь оленю,
И сверзился вниз, дурачок.
От радости чуть не теряя рассудок,
Матрена скатилась на дно,—
Считала, что вызовет Сеньку
оттуда,
А вышло-то хуже оно.
Карабкались вверх — и обратно
скользили:
Не! выбраться им нипочем!..
На старом погосте, в открытой
могиле
Сидят они тихо вдвоем.
Надежда одна: по тропе у погоста
С молитвы пойдут трясуны.
«Окликну,— смекнула,— и все будет
просто!
Они подсобить мне должны!..»
Идут!.. Все ясней голоса пешеходов.
Но где ж — не слышать — Пантелей?

Знаете ли вы, дорогие читатели, что такое украинская ночь? Знаете. А знаете ли вы, что такое голенищевская ночь? О, вы не знаете голенищевской ночи!

Когда натруженное солнце свалится за холмы и воробьи перестанут валяться в пыли, когда на небе вырастут звезды и люди улягутся спать, когда сторож Хома Остапчук возьмет свою дубинку и отправится караулить контору колхоза, в Голенищеве появляется сатана.

Ровно в полночь позади хаты Хома раздаётся... Однако мы еще успеем услышать, что раздается позади хаты, потому что до полуночи битый час времени. А за час можно рассказать все по порядку.

Вместе с комсоргом колхоза Петром Поповечким мы сидим на бревнышке неподалеку от того самого места, где сатана аккуратно выскакивает каждую ночь на свет божий. Впервые он совершил такой нехороший поступок три года назад, когда здесь стояла печка Хома Остапчука.

Весь вечер тогда оставшаяся одна супруга Хома Евгения была не в духе. Сначала у нее выпал зуб. Потом ей стало чудиться, что дверца печи нетерпеливо шевелится, а из щели мерцает чей-то пронзительный взгляд. Евгения вертела в руках вывалившийся зуб, как вдруг дверца взвизгнула, из-за нее выпрыгнул мохнатый паныч в растрепанном галстуке и забегал по комнате.

— Это мой зуб! — сказал он заносчиво и, вырвав зуб из рук растерявшейся Евгении, сунул его за щеку, как карамельку.

— Это моя скамейка! — продолжал он, спихивая Евгению на пол. — И вообще это моя жилплощадь!

— Ты домовый? — испугалась Евгения.
— Сама ты дура! — обиделся паныч. — Я сатана.

— Сгинь, сатана! — набравшись духу, прошептала Евгения.

Сатана лягнул зубами, затоптал посыпавшиеся искры и сгинул. После этого он стал появляться в хате каждую ночь и скандалить по жилищному вопросу. Пытался Хома устроить на сатану засаду с иконами — не помогает. Не является сатана при Хоме, да и все тут. Шумит где-то за стенкой.

Тяжко задумался Хома: «Я в конторе целыми ночами роблю, а к жинке тут паныч в галстуке из печки сигает. По какому такому праву?»

Попадается ему как-то навстречу дьяк Платон. Горилкой благоухает, под мышкой у него гусь визжит.

— Не хнычь, Хома! — говорит Платон. — Вы-

ПРИХ

турим твоего нечистого. цом Микитой по баночке лебничек учиним, то да нам пока, что нужно.

К вечеру пришли святбой ораву теток. Помочились а тетки бродили вокруг и скими голосами. Однако чего не изменила. И тогда поползли черные слухи, поселился в селе сатана.

Перепугался Хома и ломал, стал строить в ст. А партийная и комсом. временем...

— О! — говорит вдру поднимает палец. — Чуете? — Что?

— Хрюкает.

В сарайчике нервно во щавые поросята Хома. молится Евгения.

Кстати, полночь уже должен выскочить рядом месте, где сидит Петро ного хозяина Петро усе место). По слухам, сна канье. Хрюканье уже ес чаться завывания и ка должен нас с Петром по

— Это еще что! — гов слух, что если пойдешь пруда, то нападет блуд.

— Как это?

— А никак. Я ходил, — А еще ходил кто-н

— Нет, кажется, У нас верят больше, чем в бога в хатах столько.

...На моих часах ровн нем саду зачирикал соло

Наверное, это молоде страшно, потому что соти пруду ревут, как один бо это и есть те самые завь

Где-то на краю села Гриши Лесько парубки у

С «пророком», поди, для подсчета доходов

Отстал он от паствы своей... Уже трясунам и в поджилки и в груди Всеялся кладбищенский страх.

И вдруг... — А постойте-ка, добрые люди! — Из тьмы раздалось в трех шагах. Рванув кто куда, над оградами

с ходу Взлетали, как Брумель, они! Икал, уползая, «апостол» Феодор И лбом оглушивал пни... Сошлись трясуны на лугу,

за кустами. (Сейчас их взаправду трясло!) А бабушка гладила козлика в яме, Взывая и горько и зло:

— Клялись же вы, ироды, ближнему руку

Протягивать всюду в беде!.. Я дам показанья, устрою вам штуку На страшном, на божьем суде!.. «Святой» и «пророк» показались на тропке,

В курс дела их тут же ввели. А бабка, бичуя отступников робких, Вздымала свой глас из земли:

— У, чтоб вас трясло до скончания века!.. Эй! Где ж вы, креста на вас нет?! Вам легче в могилу впихнуть человека,

Чем вынуть из ямы на свет!.. Видать, пробрало: подошли, успокоясь,

По долгу Христовой любви, Связали, как вервие, с поясом пояс

И кинули бабке: — Лови! «Святой» предприятеем командовал лично...

Старуха конец приняла — И, так как всегда поступала практично,

Сперва привязала козла. Взялись... Но, завидев рога над могилой

(А Сенька еще и чихнул!), Драп-старт повторили с утроенной силой,

Визжа на бегу: «Караул!!» За паствою вслед и «отцы пресвятые»

Давали во тьме лататы. Стрелой сквозь кусты пролетая густые,

Сшибая боками кресты. «Пророк» по картошке скакал, по фасоли,

«Апостол» свалился в овраг, «Святой» же как врезался в трактор на поле,

Так там и залег до утра... Примчался дружинник на вопли «пророка»

И выбраться бабке помог. Спасенная молвила: — Ну и морока... Спасибо тебе, голубок!

«Святому» ж ответила позже: — Катись ты!.. Чтob я — да пошла в трясуны!

Шалишь, брат! Что вы, что хлысты, что баптисты, что брехуны!

Перевел с украинского Валентин КОРЧАГИН.

САТАНА

КОДИТ В ПОЛНОЧЬ

Вот зараз хряпнем с отцом и придем к тебе. Моисей... А ты там приготовь

...отец, привели за собою хату святой водицей, и пели суровыми солдатскими психическая атака ни по селу, как тараканы, и знать, за грехи наши быть беде.

...ступил черту: хату разобрали и поставили новую.

...ольская организации тем

Петро Поповецкий и

...хрюкивают во сне худощаво. За стенкой торопливо

...от-вот наступит. Сатана со мной, как раз на том (на правах гостеприимности) на самое нечистое ала должно быть хрюкать. Теперь должны на какой-то темный предмет кусать.

...рит Петро.— А вот был ночью по тому берегу

...а он не чапал.

...иногда? ...здесь в нечистую силу ... Оттого, может, и икон

...о двенадцать. В соседней и тут же умолк.

...онкий соловей, и ему и маленьких лягушек на большой медведь. Может, вавания.

...подгулявшие на свадьбе стало колотят в бубны.

Вот если бы сатана появился с той стороны, он наверняка порвал бы свой галстук: Хома установил там проволочное ограждение. Скоро в село проведут электричество, и тогда, наверное, по проволоке пустят ток.

— Петро, а вот говорят, что галстук-то у сатаны, вроде как бы у стилиаги.

— Та брешут,— говорит Петро.— Своих стилиаг у нас нема? Нема! А чужие к нам не приезжают.

— А кто к вам приезжает? — Самодеятельность иной раз наведывается, кино...

— А что-нибудь антирелигиозное приезжает? — Не, что вы! Сами иногда лекцию какую-нибудь прочитаете — и все. А так, чтобы из района или из области... Нет, далеко до нас. Да и куда приедешь? Вы же видели, какие здесь клубы, особенно в Прилужном...

...Большой жук с размаху хлопается о стену. Молитва за стеной сразу усиливается. Евгения получила новую пищу для воображения.

Что же такое клуб в Голенищеве и двух соседних селах? Это большой амбар с неровным земляным полом, с обклеенными плакатами стенами. Один конец задернут поношенными портянками, называется «сцена»...

Но особенно хорош прилужненский клуб. С первого взгляда здание кажется историческим памятником. Мышиный запах вечности слежался внутри в плотную массу. Давно, лет четыреста назад, какие-то чингиз-ханы палили по нему из медных пушек, и с тех пор здание, видимо, не посещается.

— Какое там не посещается! — оказал мне киномеханик.— Ходили все время, а потом... Вон видите, потолок рухнувший? Недавно уборщица провалилась. Насилу откачали. С тех пор уже не ходят. И флаг на днях с крыши сняли: неудобно на такой штуке флаг держать.

Рядом с «клубом» новенькая, блестящая свежей краской церковь говорит о том, что колесо истории вертится здесь совсем не в ту сторону.

Правда, в самом Голенищеве церковь недавно заперли.

— Батюшка у нас помер,— объяснили в правлении колхоза,— вот мы и закрыли.

— А если новый придет? — Не придет. К нам никто не едет. Глушь у нас.

Послушайте теперь, что сообщили мне о трехлетнем пребывании сатаны на селе местные богоборцы.

Парторг колхоза П. Поплавский. Бога нет! Это я вам точно скажу. А про сатану что-то ничего не слышал.

Комсорг колхоза П. Поповецкий. Вот здорово, что вы приехали! А то я все думал: с кем бы пойти проверить?

Райком партии. Три года, говорите, появляется? Ай-яй-яй! Завтра же забросим туда лекторов, агитбригады... Провернем, одним словом, в ударном порядке.

Кстати, в письме, присланном колхозниками в редакцию, так прямо и говорилось о том, что партийная и комсомольская организации...

— О! — опять говорит Петро.— Чуете?

— Что? — Петух кукарекнул. Это называется «первые петухи». Теперь, хоть тресни, сатане уже не появиться. Я эти законы знаю.

— Ну, что ж, пойдем спать? — Пойдем. Значит, нет у нас сатаны?

— Нет.

— Так и напишете? — Так и напишу.

— Это хорошо. Меньше у нас тогда во всякую чертовщину верить будут.

Мы идем по теплой дороге. Тихо, темно и жутко, как у Христа за пазухой.

Дорога проложена через кладбищенский бугор. Здесь тоже живет нечистая сила, и ходить тут по ночам не рекомендуется.

Лягушки уже устали и легли спать. В темной листве сердито ворочаются майские жуки. На небе висят толстые звезды. Воздух чист, прозрачен и свеж... Что еще?

Редкая птица долетит до середины... Нет, это уже не то.

Короче говоря, божественная ночь! Очаровательная ночь!

Жаль, дорогие товарищи из райкома, что вы не знаете, что такое голенищевская ночь! Приезжайте — не пожалеете!

Е. МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

село Голенищеве, Летичевский район,
Хмельницкая область.

БАЛЛАДА О ЧУДЕСАХ

Кто-то стукнул осторожно в дверь к попу ночной порой.

— Кто там? — поспрашивал тревожно.

— Православные. Открой! — Что ты, дурень! С перепою не по адресу попал!

— Дело, батюшка, святое, невозможно без попа.

Умоляю, батя, слезно: не упрямствуй, отопри! Поп открыл засов железный.

— Ну, что надо? Говори. — Надо, батя, обвенчаться. Плотский грех венцом прикрыть.

Да начальник я, признаться. В церковь мне нельзя ходить.

Будет сплетни и все прочее... — Вижу, сыне... Мудрено. — Обвенчай нас, батя, ночью.

Богу-то не все ль равно? — Тут у бога хата с краю. Мне-то, сыне, каково?

За такой обряд двойная... — Это, батя, ничего!

Принесу двойную лепту: ведь обряд-то не простой! Надо каждому на хлеб-то заработать...

— Бог с тобой... Ну, грядем ко храму, сыне. Власть небесная простит. Где невеста?

— Вот в машине исполкомовской сидит...

Говорят, что ночью часто в церкви слышны голоса... Может, женится начальство, Может, просто чудеса...

Алексей КИРНОСОВ
г. Ленинград.



Мать-троеручица.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

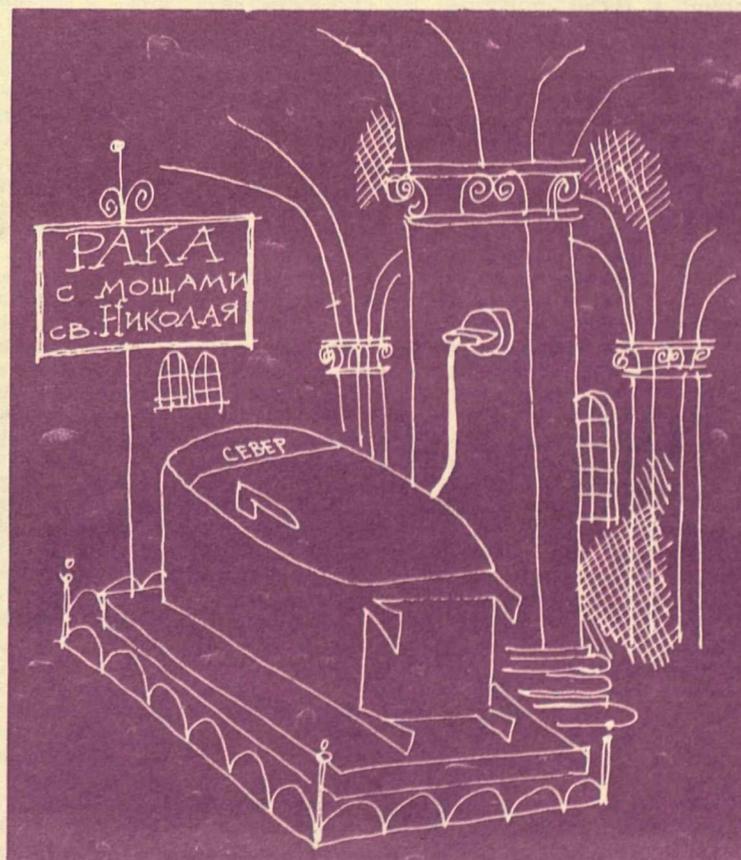


Рисунок Р. МАТЮШИНА

ЦИРКАЧИ В РЯСАХ

ХЛОРИРОВАННЫЕ СЛЕЗЫ
БОГОМАТЕРИ

Казалось бы, церковь и цирк — понятия далекие друг от друга, их объединяет лишь начальная буква «ц».

Но почему же, думал я, перелистывая комплект журнала «Военный капеллан» («Милитэри Чэплэйн» — орган ассоциации военных капелланов американской армии), в голове у меня при чтении этого душещипательного издания непрерывно возникают чисто цирковые ассоциации и образы?

Какие-то канатоходцы, балансируя длинными шестью, быстро-быстро перебегают по натянутой проволоке под куполом цирка, какие-то жонглеры перебрасываются тарелками и пылающими факелами. Кувыркаются акробаты, раскачиваются трапеции, кто-то с обезьяньей цепкостью лезет вверх по длинному шесту, какой-то неудачник, сделав сальто, «приходит на копчик».

Гремит, сверкает, играет цирк!

Отодвинув от себя комплект почтенного журнала и поразмыслив над этой странной игрой воображения, я постигаю причину ее.

Дело заключается в том, что духовные отцы и наставники американского солдата делают на журнальной площадке примерно то же, что делают на арене цирка жонглеры, канатоходцы и акробаты. Только последние жонглируют, балансируют и кувыркаются для того, чтобы порадовать зрителей красотой и ловкостью натренированного человеческого тела, а военные капелланы, жонглируя догмами христианской морали и балансируя текстами священного писания, «приходят на копчик» во имя приспособления христианской религии к практическим нуждам пропаганды «богоугодной термоядерной войны» с коммунизмом.

Надо, однако, отдать должное американским циркачам в рясах. Исполняя свои номера, они стараются изо всех сил.

Требуется, например, доказать читателю-солдату, что всеблагий господь отнюдь не сторонник мира, а скорее даже сторонник войны. Задача трудная! Но «Военный капеллан», подобрав рясу, храбро делает сальто. Алле-гоп! И на журнальных страницах появляются следующие речения:

«Идея мира противоречит представлениям о правах человека».

«Некоторые считают, что заповедь «не убий» была прямым распоряжением Свыше, обращенным ко всем людям. Но в наше время надо помнить, что мы как граждане и как христиане обязаны думать об обороне страны и обеспечивать ее».

«В некоторых местах Библии Бог изображается воинственным, принимающим сторону одного народа против другого».

Бог очень сердится на тех, кто «не хотел пачкать свои кинжалы кровью», и проклинает их, так как из-за них «многие легли костями».

«Временами даже война на полное уничтожение противника рассматривалась как священный долг».

Рядовые американцы знают, что Советский Союз против войны, он за мирное существование с капиталистическими странами. Надо опровергнуть этот недвусмысленный и ясный тезис. И снова, подоткнув

за пояс рясу, балансируя цитатным шестом, идет, пошатываясь, по словесной проволоке неутомимый «Военный капеллан».

«Мирное существование — несбыточная мечта», — объявляет журнал.

Как всякий цирк, «Военный капеллан» не может обойтись без гастролеров и охотно предоставляет свои страницы для выступления «циркачам», не имеющим духовного сана.

В 1946 году некий мистер Лукас напечатал в газете «Нью-Йорк Уорлд телеграм» статейку, в которой доказывал, что война, какой бы «кровавой и жестокой» она ни была, имеет и свою «положительную сторону».

«Во время войны человек научился любить своего ближнего больше, чем себя... Только когда я попал на фронт, я узнал, что возможны такие высокие чувства и такое самопожертвование. И теперь я скупаю по той жизни...»

Ну как же мог забыть «Военный капеллан» такого умельца, который, стоя на голове, может подкидывать и ловить ногами горящие керосиновые лампы!

Мистера Лукаса пригласили на гастроль в «Военный капеллан», обласкали, перепечатали его забытую статейку. Пожалуйста, мистер Лукас, вот вам страничка, становитесь на голову и — валяйте!

Выступил в «Военном капеллане» со своим «силовым номером» и отставной атомный генерал-лейтенант Лесли Гроувс.

Тот самый Гроувс, который имел непосредственное отношение к созданию первой американской атомной бомбы. Один из советчиков президента Трумэна. Тот самый Гроувс, на совести которого пепел Хиросимы и Нагасаки.

Генерал-каннибал надул щеки и выжал на страницах «Военного капеллана» циничные — каждое по пуду! — слова:

«Я никогда не сочувствовал тем, которые критикуют по этическим соображениям применение нами атомной бомбы в Японии... Я не понимаю, почему более грешно уничтожить тысячи людей одной бомбой, чем добиться тех же результатов стрельбой из винтовок?»

«Я хочу подчеркнуть особо один пункт — применение атомной бомбы против Японии не только спасло много тысяч жизней американских граждан, но в конечном итоге послужило и тому, что еще большее количество японцев тоже сохранили свою жизнь именно благодаря бомбе, окончившей войну».

Тут генерал Гроувс сделал паузу и под зловеще-торжественный бой барабанов в оркестре «Военного капеллана» (опасный номер!) взял и выжал слова-гири еще более тяжелые:

«Я выступаю не только как генерал в отставке, но и как сын священнослужителя. Мой отец был военным капелланом и много лет прослужил в рядах армии. Я убежден, что высказанные мною ранее мысли не противоречат принципам, изложенным в Библии и в Новом Завете».

Признаться, номер генерала-каннибала меня окончательно доконал. До того стало противно рыться дальше в комплекте «Военного капеллана», до того невыносима была ядовитая смесь запахов ханжеского едея с ароматом цирковой конюшни, так надоели ужимки и прыжки отцов-эквилибристов, что я не выдержал, запер комплект американского журнала в стол и отправился... в настоящий цирк. Там все куда ярче, интереснее и чище! И потом там если порой артисты и «приходят на копчик», то хоть стесняются: значит, не чистая была работа!

«Военный капеллан» «приходит на копчик» без стеснения. Чего там стесняться в своем отечестве!..

Хэмпстед (штат Нью-Йорк). Священники местной церкви возвестили прихожанам, что богородица на церковной иконе заплакала настоящими слезами. Один недоверчивый прихожанин собрал «слезы святой девицы» в пробирку и отдал на химический анализ. Анализ показал, что богородица плакала хлорированной водой из водопровода. Узнав об этом, служитель церкви священник Пападеас несколько не смутился. «А где это сказано, что святая дева должна плакать обязательно человеческими слезами?» — спросил он.

И в самом деле, где сказано, что икона не может с таким же успехом плакать одеколоном, виски или бензином для зажигалки? Короче говоря, любой жидкостью, которая окажется под рукой у святого отца.

КРОТКИЕ ЧАДА

Чикаго. Американец Кеннет Олсон в своей недавно вышедшей книге «Бутлегеры» сообщает, что чикагские гангстеры в подавляющем большинстве своем — люди глубоко верующие. Все они, за редкими исключениями, регулярно посещают богослужения, носят нательные кресты, а убивая свои жертвы, свободной рукой перебирают в кармане четки.

У церкви есть все основания гордиться своими «кроткими чикагскими чадами».

ЗАСТУПНИК КАЛЬСОННОГО БИЗНЕСА

Бонн. Обязанности Николая-угодника резко расширились. Мало ему прочих дел, западногерманские промышленники взвалили на него заботу о продаже нижнего белья. В связи с тем, что сбит дорогих исподников за последние годы упал, владельцы трикотажных фабрик и магазинов решили объявить 6 декабря — день святого Николая — «днем эlegantного нижнего белья». Таким образом, покупатель сможет облечь свою греховную плоть в божественную форму, а именно в кальсоны «Св. Николай».

НУЖНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ

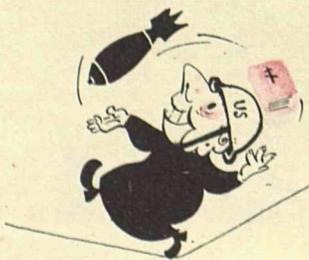
Лондон. Англиканская церковь решила обзавестись собственным информационным бюро для снабжения газет и журналов религиозными материалами. Необходимость в таком бюро была вызвана резким падением популярности и престижа церкви в Англии.

Должно быть, именно поэтому руководителем церковной информации назначен полковник Джон Хорнби. Ведь Хорнби ранее был начальником отдела пропаганды в НАТО, организации тоже не очень популярной и без особого престижа...

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

Рим. Ватиканская газета «Оссерваторе романо» закликает рабочих: «Обсуждение всех вопросов с предпринимателями должно вестись в духе взаимопонимания и братской любви».

Предприниматели, очевидно, согласны любить своих рабочих, но ни в коем случае не согласны увеличивать зарплату. Ибо деньги, как известно, портят отношения...





— У вас столько неразгруженных вагонов! Могут быть большие неприятности!
 — Что вы! Мы от них заштрафованы!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

КАШИНСКИЕ МОТИВЫ

Сейчас, когда пишутся эти строки, в древнем городе Кашине кипят страстные споры. Всего-навсего о частушках.

Все было чинно, спокойно, тишь да гладь и божья благодать, но вот в один ненастный вечер раздалась неслыханная доселе музыка. В Кашин нагринула эстрадная бригада Калининской филармонии. Артисты Эдуард Смирнов и Василий Макашов задумали благое дело — откликнуться на местные темы.

И откликнулись. Не пожалели времени на сбор и уточнение фактов, сочинили припевки. И вот со сцены Дома культуры под аккордеон на мотив извест-

ной песенки полились сатирические частушки.

Первым делом попал в куплет Сергей Михайлович Троицкий — глава райпотребсоюза. Имел человек хорошую квартиру, а в новом доме кооперации взял да и занял другую, которая, к слову сказать, была почему-то отделана несравненно богаче, чем все остальные. Его оправдание прозвучало так:

— Вышло все случайно, —
 Верите иль нет? —
 Больше так не буду...
 Восемнадцать лет.

И хотя частушки были далеко не совершенны в литературном отношении, старое здание Дома культуры содрогнулось от дружных аплодисментов. Но содрогнулся и Троицкий и некоторые другие любители даровщинки.

А куплетисты пели уже дальше. Вспомнил хозяйственника Владимира Алексеевича Ильина. Поделом: и тот и другой тоже не отличались особой щепетильностью в благоустройстве своего житья-бытья...

Герои частушек взъерепенились.

— Подумать только, Василий Алексеевич, даже про вас пели, а? — возмутился Троицкий.

— Что и говорить, Сергей Ми-

хайлович, ужас как нехорошо получилось! — вторил Ильин.

Им, руководящим мужам, набраться бы мужества да рассудить, где и у кого получилось нехорошо — у них самих или на эстраде. Но мужества не хватило. Зато обнаружилось нечто другое...

Когда артисты узнали, что их приглашает к себе секретарь райкома партии Василий Петрович Рощин, они не заподозрили ничего худого.

— Поблагодарить, наверно, хочет.

Радости кончились в первую же минуту встречи.

— Что ж, рассказывайте про свои мотивы, — резко потребовал хозяин кабинета.

Исполнители тут же повторили нахуливающие куплеты.

— Я спрашиваю не об этом! Ясно? Какими мотивами — не музыкальными, а деловыми — вы руководствовались, когда свою сатиру сочиняли?

— Мотивами морального кодекса...

— Не разрешаю!

— Что не разрешаете?

— Песнопение о кашинских делах, вот что!

— Разве факты не точны? — опешили артисты, отнюдь не ожидавшие, что дело примет такой оборот. — Вам что-либо не нравится в частушках с литературной или музыкальной стороны? Мы согласны улучшить. Это предложение заезжих

острословов — улучшить сатиру на местные темы — было воспринято как покушение на честь кашинского мундира. «Отцы» города недвусмысленно намекнули, что для них куда приятнее, когда вокалисты не касаются конкретных личностей, тем паче руководящих, а ограничиваются безопасными ариями, скажем, «Что день грядущий мне готовит», «Не искушай меня без нужды» и «Не пой, красавица, при мне».

Напрасно артисты доказывали, что работать с классическим репертуаром хотя и легче, но забывать о животрепещущем сегодняшнем дне тоже не следует. Высокие договаривающиеся стороны так и не пришли к соглашению. Руководителя эстрадной бригады даже припугнули. И не чем-нибудь, а самыми суровыми административными мерами.

Сатирикам-частушечникам в конце концов пришлось покинуть город, в котором современные мотивы так отрицательно действуют на руководящие уши.

Вот теперь рядовые кашинцы и думают: а не лучше ли будет, ежели вопрос «Какими мотивами вы руководствовались?» обратить не к артистам, а к их гонителям? Оно бы, кстати, было и проще: музыкально-вокально-литературных претензий к их ответу можно не предъявлять.

Петр ДУДОЧКИН
 Калининская область.



НЕ
БОЖЕСТВЕННЫЕ
СТРАНИЦЫ



КИРПИЧ,
ОВЦЫ
И ЛЮБОВЬ

Юрий БЛАГОВ

В ЧАСЫ ДОСУГА,
НА АЛЛЕЕ...

Гулял редакторский квартал
В часы досуга по аллее
И стал громить на целый свет
Позтизированный бред,
Причем чем дальше, тем смелее.

Один редактор-верховод
Сказал, на прочих глядя кисло:
— Меня бросает в дрожь и в пот
«Свободный стих», свободный от
Размера, музыки и смысла.

Второй продолжил речь:
— Кошмар!
Юнцы с претензией огромной
Рифмуют «булку» и «бульвар»,
«Самоотвод» и «самовар»
И брызгу сравнивают с домной.

— Мы сами,— третий их поддел,—
Сидим, кривлякам потакая,
Мол, погляди, какой пострел,
Хоть малограмотен, да смел,
Хоть глуповат, но мощь какая!

Четвертый голосом глухим
Заметил так про пылких братцев:
— Мы, покровительствуя им,
Подобной практикой плодим
Литературных тунеядцев...

Синклит редакторский давно
Пришел к согласью на аллее,
А в их журналах все равно
Рифмуют «брови» и «бревно»,
Причем чем дальше, тем смелее.

Я хороший и вполне положительный. Я умею строить и пахать, водить самолеты и бороздить океаны, плавить металл и крутить мороженое. Даже продавать газированную воду! Эти действия я произвожу с легкостью необыкновенной и иногда сам поражаюсь, до чего здорово у меня все это получается. Я ловкий, сильный и современный. Кто я? Как бы это поскромнее выразиться... Я герой. Да, да, самый настоящий. Меня называют героем даже в том случае, если я совершаю неблагоприятные поступки: уж такая моя геройская участь. Я все могу. Впрочем, что касается любовных отношений, тут я, извините, пас. Когда я начинаю объясняться в любви, на меня затменные находят.

По своему положению героя мне часто приходится влюбляться. Вот так встретишь девушку, полюбишь, а начнешь объясняться — такую ахиною понесешь, самому тошно. Судите сами: я молодой строитель и мчусь куда-то на край света, на одну из знаменитых строек. Проездом встречаюсь со своей старой знакомой Леночкой и пытаюсь решить извечный вопрос: быть или не быть? В нашем распоряжении считанные минуты. Затем мы расстанемся и, возможно, навсегда. Я наконец собираюсь с духом и вышаливаю:

— А я ведь тебе письма писал...
— Писал? — удивляется Леночка. — Я твоих писем не получала.
— Естественно. Я их не отправлял.
— Не отправлял?
— Да. Напишу — и порву, напишу и...

Но тут я вижу за окном потрясающую картину. Я поражен, повергнут, опрокинут!
— Что это у вас? — восклицаю я с горечью. — Возводят стену из кирпича? А почему облегченных плит не применяете? Леночка, да это же прямое расточительство!
— А какое тебе, собственно, до этого дело? Ты здесь чужой.

— Укрупненные блоки — как раз мое дело... Погоди... о чем мы говорили?
Не знаю, как Леночка, но присутствующие воспринимают меня, мягко выражаясь, как идиота.

Представьте меня в роли комбайнера. Я люблю библиотекаря Аллочку, а она, разумеется, любит меня. При встречах мы краснеем, бледнеем, теряемся, страдаем, не догадываемся, лепечем что-то крайне непонятное:

— Да... Значит... Вот,
— Что?

— Я говорю... В общем, Аллочка...
— Что, Максим?
— Я хотел сказать... Мне надо очень серьезно поговорить.
— Слушаю.
— Вот что, Алла...
— Что, Максим?
— Я обязательно должен сказать...
— Говорите. Жду.
— Как?
— Жду. Что ты хотел... что вы хотели сказать?

— В общем, давайте играть в литературную викторину...

Иногда мне признаются в любви, но от этого нисколько не легче. Вообразите меня в качестве джигита. Меня зовут Курбан, я ношу папаху, бурку и пасу овец на альпийских лугах среди заснеженных гор Кавказа. Вах! Ее зовут Лайла. Она гордая дочь гор. Однажды в ночной буря Лайла вместе со мною бросилась спасать овец и баранов. Когда под утро я внес бесчувственную Лайлу в красный уголок, она открыла свои агатовые глаза, и ее голос прозвенел для меня зурной. Вах! Произошла трогательная сцена:

ЛАЙЛА (открывая глаза). Да... Где я? Где овцы? (Снова впадает в забытье.)

ЛАЙЛА. Это, это, ты, Курбан? (Плачет.) Погибли, да? Скажи правду, Курбан... Погибли? Ты пришел? Я знала, что ты придешь. Да, Курбан?..

КУРБАН (берет ее руку). Ну, конечно... Мы же вместе были. Я говорил тебе, не надо. А ты не послушалась.

ЛАЙЛА. Да, да... Помню. А овцы?.. Наши беленькие... Целы они? Погибли, да?

КУРБАН. Все целы, целы, Лайла. Ничего не случилось.

ЛАЙЛА. Целы!.. Курбан... милый мой... (Снова падает на подушку.)

Дорогой зритель! Я откроюсь тебе. Я герой одноактных пьес, выпущенных за последнее время московскими издательствами. А приведенные выше диалоги целиком позаимствованы из этих произведений. Не верите? Прочитайте пьесы: А. Ирошников «Неразлучные» (издательство «Искусство»), А. Аляутдинова «Горячая пора» (сборник «Эстрада», издательство «Советская Россия»), А. Курбанова «В ночном буряне» (издательство «Советская Россия»), — и тогда вам все станет ясно.

Б. ТОРОХОВ



— Пожалуйста! Вам без очереди!

ВЫКРУТЫ И ВЫКРУТАСЫ

Всякие бывают рецензии. Длинные и короткие, скучные и интересные, глубокие и поверхностные. Газета «Вечерний Свердловск» изобрела еще один вид рецензии: головоломку — и в номере за 30 марта щедрой рукой отвела под этот материал довольно щедрый кусок площади.

Речь в рецензии идет о пьесе Н. Погодина «Голубая рапсодия», поставленной Свердловским драматическим театром. Пишет автор бойко, не связывая себя устаревшими канонами, требующими от всякого печатного слова некоторой ясности. Свое мнение об одном из героев пьесы автор выражает, например, в таких словосочетаниях:

«...Укропов меж двух стульев сделан беспощадно и вместе трогательно... Может быть, он слишком доволен собой, аккуратен в жизненном успехе. Жизненные пути, житейские и научные проблемы для него явнее, чем для остальных. И это оттого, что он ближе к среднему уровню...»

Оставив несчастного Укропова «меж двух стульев», полагая, что он может быть довольным собой в таких условиях, рецензент метко определяет характер и других персонажей.

«Иван Каплин умен и талантлив громадно, он на переднем крае жизни, поглощенно увлечен научной работой... Каплин ущербен. А ущербность в таком человеке особенно страшна и заслуживает беспощадности. Женщина хочет жить, не потерять себя. Сейчас! Потом будет поздно...»

Хорошо, если читатель обладает способностью угадывать мысли на расстоянии... Если же нет, — он будет вынужден тащиться на квартиру к рецензенту и допытывать его нудными вопросами, вроде: кто эта женщина, которая хочет жить и не потерять себя? И почему потом будет поздно?

Зато рецензент дополнительно сообщает о Каплине весьма ценные сведения. Он «...кажется, знает поэзию, тонко чувствует нюансы современной музыки; ее ритм помогает ему конкретно мыслить».

Эта фраза получает совершенно неожиданное завершение:

«Это много, это богатство — когда в одном человеке. Но разговор ведь идет по большому счету. А на другое его не хватает».

И опять читателю дано право самостоятельно разобраться, кому чего не хватает. У автора уже нет времени на пояснения: ему нужно заняться актером Сухоруковым, играющим роль Каплина. Он «...вообще, думается, не поднял тему и мысль своего образа... Актер хорош лишь однажды, придя на объяснение с женой, неостывшим, углубленным в неудачу научного эксперимента...»

Свой труд рецензент заканчивает глубокомысленными замечаниями общего характера и тонко подмеченными деталями:

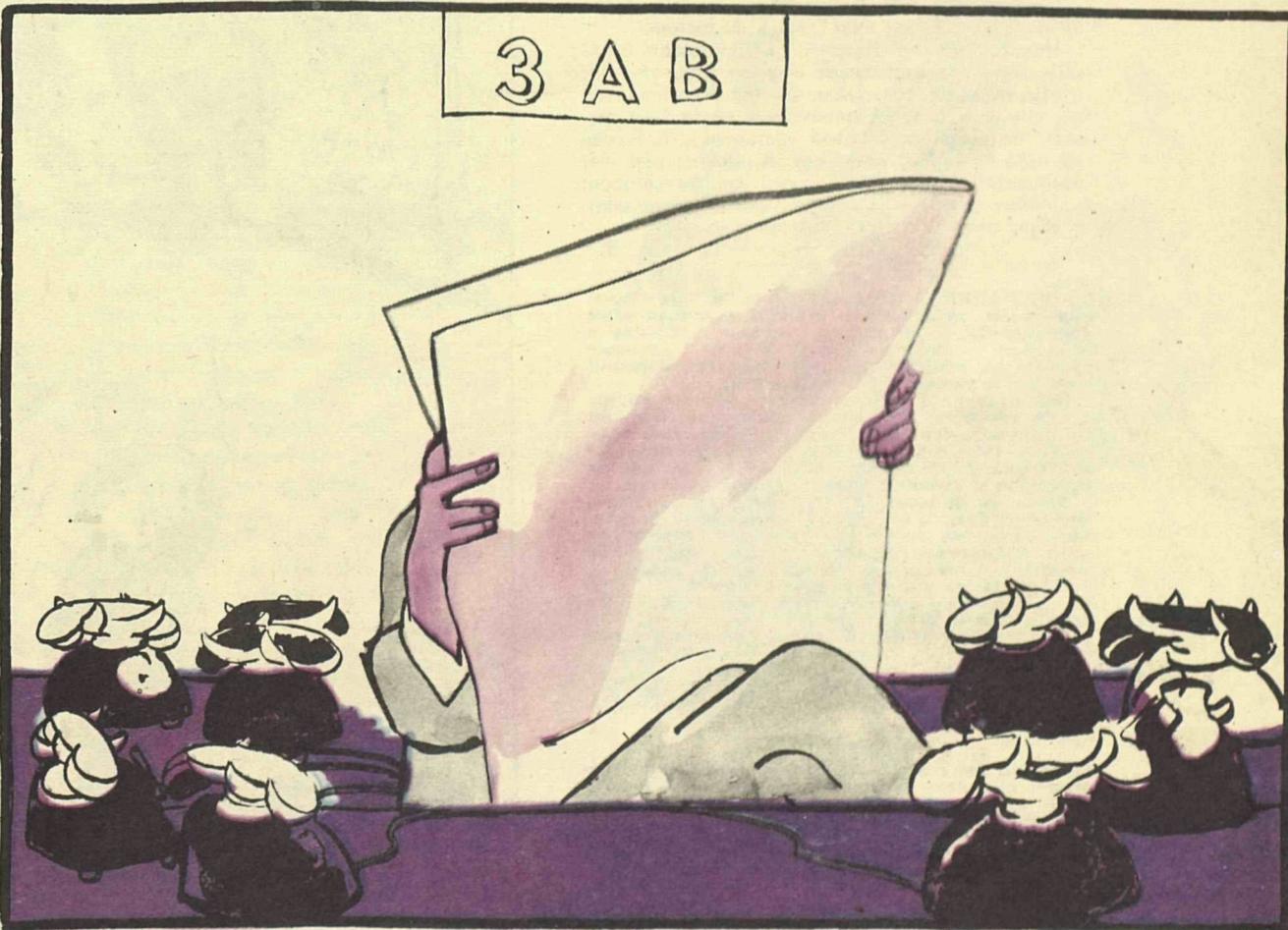
«Каждая картина завершается выходом актера на авансцену с драматическим монологом. При этом гасится свет, актер высвечивается...»

Газета «Вечерний Свердловск», поместив эту, мягко говоря, странную статью, поступила вполне последовательно. Редакция, видимо, питает слабость к различным ребусам и шарадам. Рецензию, например, «О чем рассказал театр» она любовно снабдила марочкой, рассчитанной разве что на знатоков санскрита или клинописи.

А. Л.



Один для всех...



Все для одного.

РЕМОНТ

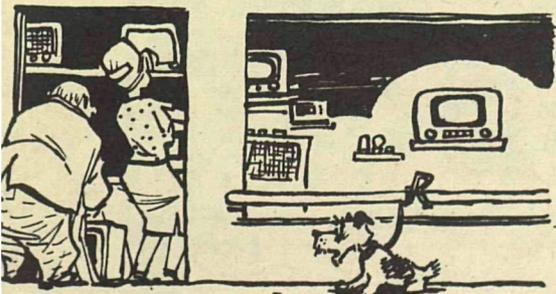


Рисунок Е. МИГУНОВА

Рисунок В. ГОРЯЕВА

Не дошло...

К председателю колхоза Петру Григорьевичу Серебрянникову пожаловало в кабинет Коромысло.

— Пришло пенсию просить. Пора уж меня на ферме заменить. Старое я...

Потом постучались две лопаты — Железная и Деревянная.

— Насчет пенсий пришли узнать. Неужто современная техника нам не может помочь?

А тут как раз и Вилы явились:

— Подаем в отставку! Хватит! Теперь век механизации...

Председатель, припертый к стенке, не знал, что ответить нежданым посетителям.

В такой же неудобной ситуации очутились руководители колхоза «Россия» и некоторых других артелей Игринского района, Удмуртской АССР, скептически относящиеся к новой сельхозтехнике.

О том, как Коромысло, Лопата, Вилы и другие прадедовские агрегаты пришли «проситься на пенсию» к этим руководителям, повествует фельетон «Пенсию не дадим!», опубликованный в первом номере самого юного сатирического издания — журнала «Шекрыч», выходящего в Ижевске.

Прочитали фельетон в Игринском райисполкоме и зачесали в затылках. С одной стороны, нельзя не признаться, с другой — трудно сознаться. Решили не признаваться. Решили объегорить новорожденный сатирический журнал. Обвести вокруг пальца.

И вот зам. председателя райисполкома А. Касаткин с самым невинным видом подписывает и отправляет в «Шекрыч» такой ответ:

«На ваш № 1, по поводу опубликованной заметки под заголовком «Пенсию не дадим!», исполком Игринского райсовета сообщает, что в упомянутом колхозе отказы в назначении пенсий имели место. В настоящее время производится выплата пенсий по принятому положению о колхозных пенсиях колхозникам...» Смешно? Смешно. Нелепо? Нелепо.

Смешно, что тов. Касаткин делает вид, будто он не понял, о чем идет речь в фельетоне.

Нелепо, что тов. Касаткин рассчитывает, будто «Шекрыч» эта фальшивая отписка удовлетворит.

Мы, впрочем, допускаем, что тов. Касаткин еще не привык к свисту сатирических стрел. Так сказать, не освоился в новой обстановке. И поэтому надо пойти ему навстречу. А именно: дать ему возможность еще раз подумать над фельетоном.

Может быть, он в конце концов и уразумеет, о каких пенсиях «Шекрыч» ведет речь.

А. В.

«ОПЕРАЦИЯ «МИМОЗА». Фельетон под таким названием опубликован в № 9 журнала. Там говорилось, что торговля цветами в Москве в основном доверена спекулянтам, которые охулки на руку не кладут: привозят корзину мимозы и увозят корзину денег.

Нам ответил зам. начальника главного управления торговли Мосгорисполкома тов. Белкин. Он находит, что дело идет на улучшение: если в 1959—1960 годах в Москву было завезено 2,5 миллиона штук цветов, то в 1961 году цветов привезли в столицу уже 6 миллионов штук.

Было бы больше, но, по словам того же тов. Белкина, беда в том, что Москва своей цветочной базой не имеет, а городские оранжереи уделяют торговле только остатки цветочной продукции после озеленения города.

Управление лесопаркового хозяйства, на скудость которого жалуется тов. Белкин, находится в ведении Мосгорисполкома, как и управление торговли. Неужели два управления, находящиеся в руках одного хозяина, не могут, объединив усилия, обеспечить Москву цветами? Да так, чтобы на душу населения приходилось не по одному цветочку в год, а несколько больше?

Любил покататься на самоходной барже Пряник — директор Казанского совхоза, что в Майском районе, Павлодарской области. До того любил, что даже переоборудовал ее под персональную яхту. Ну, а пока совершал директор туристические прогулки по Иртышу, совхозное хозяйство отнюдь не подымалось в гору. О развешенном образе жизни Пряника Крокодил писал в фельетоне «С купеческим размахом» (№ 33, 1961 г.).

Как сообщили нам из Павлодарского обкома партии, за плохое руководство совхозом, нарушение финансовой дисциплины и злоупотребление служебным положением Пряник освобожден от должности директора совхоза. Майский райком партии объявил ему строгий выговор с занесением в учетную карточку.



— Кто говорит, что мы плохо работаем! Поднимите руки!



Рисунок С. КУЗЬМИНА

О ЧЕМ ПЕЛА СТАРУШКА

По улице города Глазова шла, кокетливо покачиваясь, старушка. Дойдя до скверика, она присела на травку и заголосила:

«В-сю ночь бродила до утра!»

Шедший мимо дружинник прервал исполнение популярного романа мягким упреком:

— Стыдно, бабушка, так напиваться!

— Ох, стыдно, касатик, — горестно ответила нарушительница порядка. — Так кто ж ее знал, треклятую. Ты меня лучше отведи домой.

Во время этого путешествия дружинник выяснил, что старушка хлебнула не водки, не сухого мартини или там кальвадоса, а самую чуточку холоденькой браги.

— Да еще сказали: мол, слабоалко... когольная, вроде кваса, — жаловалась старушка.

Можем пояснить, кто производит напиток «вроде кваса». Это Удмуртпотребсоюз, который по указанию своего московского начальства должен изготовить тысячу тектолитров браги. Вместе с планом были получены и технологические указания, где сказано: «Брага представляет собой слабоалкогольный напиток, изготавливаемый из смеси ржаного солода, сухого кваса, хмеля и сахара путем настаивания с последующим спиртовым брожением».

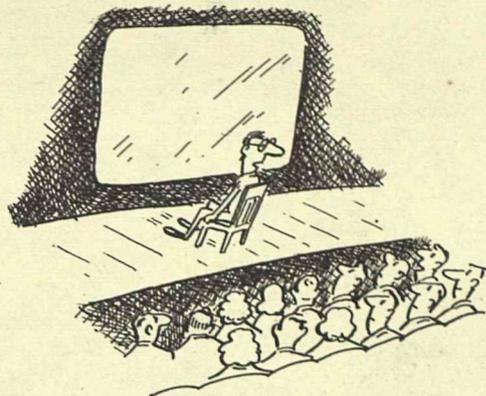
И началось выполнение ответственного задания. Все шло хорошо. Но когда смесь начинала бродить, сдержать ее не могла никакая сила. Брага-бродяга, дойдя до уровня «слабоалкогольной», не останавливалась на достигнутом и продолжала бушевать, превращаясь в отнюдь не ароматную сивуху, которая могла бы свалить с ног и слона. Многие жители Глазовского, да и других районов Удмуртии стали превращаться в заядлых бражников.

Услышав об этом, в Удмуртпотребсоюзе забеспокоились.

— Вам сказано, гоните слабоалкогольную. А вы что делаете?

— Откуда нам знать, слаба она или сильна? — возразили райпотребсоюзы. — У нас для определения ее слабости или мощи нет ни спиртометров, ни других измерительных приборов. Мы ее на зуб пробуем. А зубы разные. Одному кружки достаточно, а другого и полведра не берет.

И перегонка доброкачественных продуктов на пагубное зелье продолжается. Видимо, до тех пор, пока спущенный план не будет перевыполнен.



— Видите ли, у меня близорукость.

Рисунок В. ТЕСЛЕНКО
(г. Пермь)

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Начальнику Куйбышевского РЖУ г. Ташкента.

На Ваш № 492 домоуправление № 9 сообщает, что гражданка А., проживающая по ул. Хамида Алимджана, не аварийная, но требует капитального ремонта.

Управдомами № 9 — Михайлов инженер — Козина.»

Переписал Ю. КОВАЛЕВ.

г. Ташкент.

«ХАРАКТЕРИСТИКА

С. работает в областной типографии стериоптипером с 1950 года. Работает хорошо, все порученные задания выполняет беспрекословно, морально устойчив, спиртные напитки употребляет редко, но выпивать не умеет — пьяет до полного опьянения и попадания в отрезвитель.

Директор облтипографии № 6 — Г. Суворов
Секретарь парторганизации — Петрова.»

Копию снял А. ПОЛУЭКТОВ.

г. Усть-Каменогорск.

ЭКЗЕМПЛЯР

Вспоминать я долго буду,
Как с друзьями пил боржом.
А Касьян разнес повсюду:
«Занимались кутежом...»
Мне вернули две десятки
В погашение должка,
А Касьян слушок о «взятке»
Распустил исподтишка.
Подавая всем пример,
Молодежь сажала сквер.
Расхищавшись ехидно,
Сочинил Касьян и тут:
«По пятнадцать суток, видно,
Дал голубчикам нарсуд!»
Улыбнулась вам соседка,
А ханжа безумно рад.
Встретит — спрашивает едко:
«Затеваешь разврат?»

Тут стратегия такая,
Что статьи не подберешь:
Анонимок избегая,
Он изустно сеет ложь.

Михаил ФРОЛОВ

г. Макеевка.

Что нового в сатирическом цехе

Ю. Арбат, побывав в Турции, Греции, Италии, Франции, Бельгии, Финляндии и ГДР, увидел «ЕВРОПУ СВОИМИ ГЛАЗАМИ». Так он и назвал книжку юмористических очерков, пополнившую Библиотеку Крокодила.

Б. Егоров издал «ТРУБУ ИЕРИХОНСКУЮ». В инвентарную ведомость Библиотеки Крокодила она включена под номером 3 (1962).

«МОИ БУЛАНЫЙ ПЕГАС» — так характеризовал Б. Кежун свои литературные пародии. Они также составили очередную книжку крокодильской Библиотеки.

Прощеный день, когда верующие пытаются задобрить всех, кого обидели, бывает, говорят, раз в году. Не чаще случается такое и с бюрократами. Потому выпущенный издательством «Советская Россия» сборник рассказов Н. Баженова о бюрократах так и озаглавлен — «ПРОЩЕНЫЙ ДЕНЬ».

«МУДРЫЙ РАССКАЗЧИК» — народ. Это наглядно подтверждает книга украинских народных сказок, басен, притчей и анекдотов, изданная Академией наук УССР.

«РАССКАЗЫ. ФЕЛЬЕТНЫ. КОМЕДИИ. НЕИЗДАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ» — так озаглавлена выпущенная в Ленинграде книга М. Зощенко.

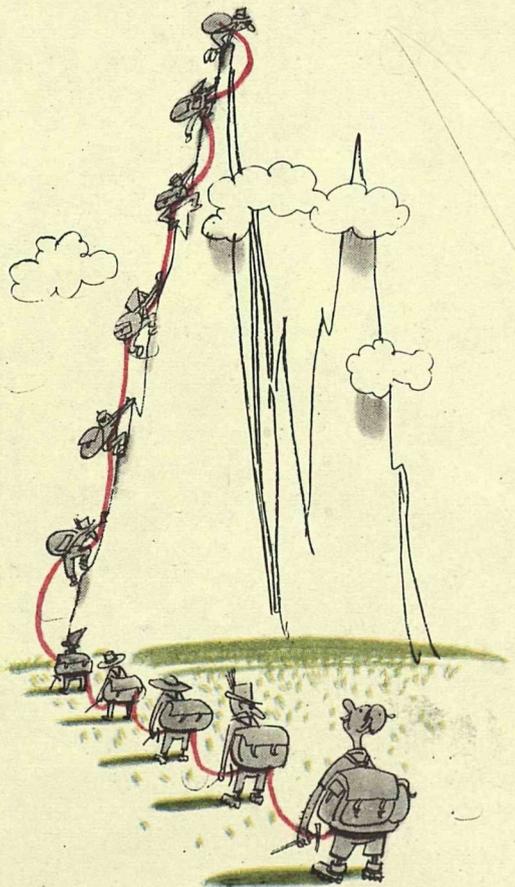
Из Ташкента сообщают: Я. Курбанов опубликовал сборник песен и басен «ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ». Саид Ахмад описал всесторонне «ЛУННЫЕ НОЧИ». Гайрати показал «РАСТЕРЯННОСТЬ». З. Рыбак продемонстрировал «ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПОЦЕЛУЙ».

ВЕСТИ ОТОВСЮДУ. В Полтаве вышли на украинском языке юморески Ю. Лапая и Н. Кудина «ТОНКИЙ ХОД». В Нальчике И. Маммеев сказал другу-читателю по-балкарски «ТЕБЕ МОЙ ПОДАРОК!». В Батуми Г. Чхаидзе объяснил по-грузински, каким может быть «НОВАТОР ПОНЕВОЛЕ».



— Опять нам чинят препятствия!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА



— Ну, вот мы и достигли вершины!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00111. Изд. № 1073.

Подписано к печати 9/VI 1962 г.

Формат бум. 70×108¹/₂.

Тираж 1 650 000 экз. Заказ 1698. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

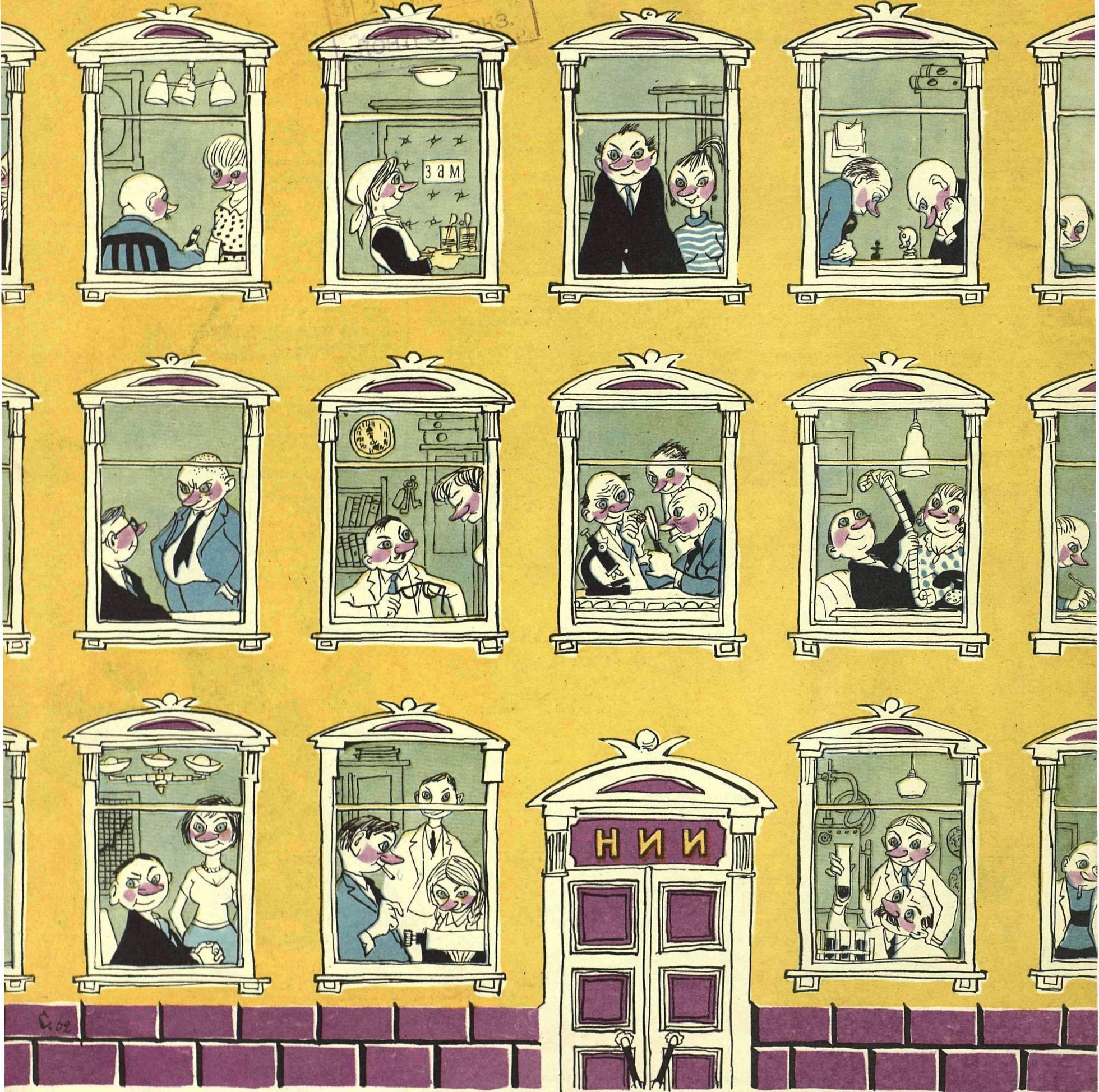
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

12

23 2 82 м

В ленинградском институте «Механобр» в 1953 году было 100 сотрудников, находящихся в близком родстве, а сейчас их стало 270.

ВСЕСОЮЗНАЯ
МИРНАЯ ПАЛАТА
23 ИЮН 1952



ЛИЦО ОДНОГО ИНСТИТУТА

Рисунок И. СЕМЕНОВА